

УДК 1:304.2

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2025.3.39-45>

© 2025 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Смысл жизни и заполнение недостатков в системе ценностей

Агапов И.О.

Казанский (Приволжский) федеральный университет, 420008, Казань,
ул. Кремлевская, д.18, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация. В статье в контексте социальной философии исследуется проблема индивидуальных различий в восприятии смысла жизни. Мы анализируем дискурс смысла жизни в современной философской литературе, идентифицируем примерную структуру этого дискурса и причины разногласий между авторами. Выявляется малоисследованная на данный момент проблема различий субъективного восприятия смысла жизни. Мы подходим к этой проблеме с точки зрения выявления источников смысла и связанных с ними ценностей.

Выдвигается гипотеза о том, что источники смысла жизни оцениваются выше и позитивнее, когда они связаны с воспринимаемыми человеком недостатками в своей системе ценностей. Приводятся примеры использования обнаруживаемых в рекламе, идеологии, религиозных нарративах образов жизни, заполняющих недостатки некоторых из систем ценностей и, соответственно, более наполненных смыслом. Также высказаны первичные предположения о том, что закрываемые недостатки в образе жизни, наполненной большим смыслом, должны представляться смутно, чтобы этот образ воспринимался как обладающий особой значимостью и не попадал в сферу заурядного.

Ключевые слова: смысл жизни, система ценностей, недостаток

Для цитирования: Агапов И.О. Смысл жизни и заполнение недостатков в системе ценностей. *Казанский социально-гуманитарный вестник*. 2025;(3(70)):39–45.

Meaning of life: filling gaps in value systems

Agapov I.O.

Kazan Federal University, 420008, Russia

Abstract. The article examines the problem of individual differences in the perception of the meaning of life in the context of social philosophy. We analyze the discourse on the meaning of life in modern philosophical literature, identify the approximate structure of this discourse and the reasons for disagreements between the authors. The article reveals the problem of differences in the subjective perception of the meaning of life, which is currently poorly

understood. We approach this problem from the perspective of identifying the sources of meaning and the values associated with them.

It is assumed that the sources of meaning in life are evaluated higher and more positively when they are associated with perceived flaws in a person's value system. Examples of lifestyle use can be found in advertising, ideology, and religious narratives that to compensate for the deficiencies of some value systems and are therefore more significant. It also makes preliminary assumptions that perceived flaws in a lifestyle filled with great meaning should be presented vaguely so that this image is perceived as having special significance and does not fall into the realm of everyday life.

Keywords: meaning of life, value system, lack

For citation: Agapov I.O. Meaning of life: filling gaps in value systems. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2025;(3(70)):39–45. (In Russ.)

Введение

В данной статье мы обращаемся к задаче объяснения причин различий в восприятии смысла жизни разными людьми и связываем эти причины с неполнотой (незавершенностью) их систем ценностей.

Начнем с контекста нашего исследования. По теме смысла жизни есть множество концептуальных исследований (Т. Мец, И. Ландау, Дж. Сикрис и др.), но на наш взгляд, не хватает объяснения различий в значимости разных источников смысла для человека [1]. Причем часто мы можем говорить о смысле сравнительно, количественно, т.е. определять, в чем больше или меньше смысла. Важно ответить на вопрос: при каких условиях для нас определенные планы жизни/действия/проекты/роли/... обладают большим или меньшим смыслом? В данной статье мы рассмотрим пути ответа на этот вопрос и обратим внимание на значение неполноты системы ценностей для формирования содержания смысла жизни. Для этого мы последовательно обратимся к общему описанию дискурса смысла жизни в философии, обозначим границы философского и нефилософского решения проблемы, предложим одно из возможных философских решений.

1. Дискурс смысла жизни

Итак, начнем с обобщенного представления о том, что из себя представ-

ляет смысл жизни. По большей части дискурс о смысле жизни предполагает следующую структуру. 1) Объяснение, что автор понимает под смыслом жизни, в основном опирающееся на интуитивное использование естественного языка. Например, еще у Дж. Уиздома можно найти примеры ситуаций, где могут быть предложения вроде «What's the meaning of this?» [2, p. 194]. Обращения к языку можно найти у многих современных авторов аналитической традиции, например, у Т. Метца [3]. 2) Далее обычно следуют примеры и контпримеры, объясняющие логическую и интуитивно-языковую стороны рассуждения о том, что автор считает наиболее важным для темы. 3) Наконец, делаются выводы.

Закономерная часть дискурса о смысле жизни – разногласия относительно 1) понимания и применения языка смысла, 2) применимости концепций к конкретным ситуациям, исходя из ценностей человека, принимаемой им картины мира, соображений психологического характера. Ярким примером позиции, выделяющейся в рамках разногласий по первому пункту, можно назвать статью Ч. Рэппа, который вообще считает смысл зависящим от количества интерпретаций, которые человек может дать событиям в своей жизни (Рэпп использует пример Шерлока Холмса, который в окружающих объектах находит гораздо больше смысла, чем другие люди, так

как ему эти объекты указывают на истории, профессии людей, их действия и т.п.) [4]. Это весьма необычный вариант применения языка (отметим, что идея сравнительного количества смысла сейчас является очень распространенной, так как очень сильна интерпретация смысла как значимости, т.е. *significance*).

Для разногласий второго типа, а именно вопросов психологического плана, можно использовать пример Г. Стросона, утверждавшего, что не для всех людей важен смысл как связный нарратив жизни. Этот подход отличается от доминирующей позиции Метца [5]. Примеры разногласий относительно системы ценностей и картин мира можно увидеть в работе Метца «Бог, душа и смысл жизни», выделившего 4 позиции относительно значимости существования Бога для видения смысла жизни: он приводит разные ценностные установки по отношению к существованию или несуществованию Бога и, исходя из этих установок, говорит о разном воспринимаемом количестве смысла. В разных картинах мира и системах ценностей существование Бога (с авраамическими нарративами) может быть как позитивным, так и негативным фактором для образования смысла – для кого-то это может быть угрозой автономности человека, тогда как для сторонника объективности смысла – гарантом надежности. Причем ценности и убеждения относительно картины мира могут разниться: можно быть атеистом, который считает, что в жизни было больше смысла с Богом, так как связывает смысл с вечностью (с вечной жизнью за гранью возможностей мирской истории) [6].

Все типы разногласий сопровождаются попытками создания иллюстраций, которые должны привести противников к очевидности.

Очевидность как критерий принятия идей важна из-за особой значимо-

сти субъективного характера принятия смысла, причем даже для тех, кто считает его объективным и единственным для всех. Хорошим примером здесь будет В.С. Соловьев, для которого смысл «должен быть понят и усвоен самим человеком, его верою, разумом и опытом» [7, с. 92].

Итак, мы упираемся в проблему «субъективного» принятия разных смыслов. Это проблема мета-уровня: почему вообще возможно, что одному нужен нарратив, а другому нет, одному триада прекрасного, благого и истинного – эталон, а другому – пустой звук. Субъективность часто пародируется, доводится до абсурда в примерах вроде «а что, если для кого-то смысл считать листья травы?» у Метца [3, р. 239, 245]. Из-за такой борьбы с релятивизмом теряется вопрос, как и почему одни образы жизни, наполненной смыслом, воспринимаются естественно, тогда как другие вызывают отторжение, и что для одного реальный образец, то для другого что-то скучное, несерьезное или даже постыдное.

2. Границы философского решения проблемы

Поскольку речь идет о философском объяснении различий в субъективном понимании смысла жизни, важно подчеркнуть, что значительная часть объяснения находится вне философии: в психологии, социологии и других науках. Вне чисто философского осмыслиения проблемы речь скорее бы шла о детерминированных склонностях, связанных с особенностями характера, нервной системы, социальных обстоятельств и о других факторах, из-за которых людям интересны (а если смысл трактуется как значимость (*significance*), то нельзя избежать рассуждений об интересе) различные стимулы, образы, виды деятельности. Существуют исследования, устанавливающие корреляции между принимающими человеком ценностями и его

чертами характера (что особенно интересно в силу стабильности черт характера и их сильной наследственной составляющей) [8]. Иными словами, можно представить пути объяснения субъективных различий за рамками идей произвольности предпочтений. Однако, для выводов о смысле жизни этого недостаточно, так как необходимо обнаружить множество концептуальных «мостов» между философскими и психологическими терминами и методами.

Здесь мы проводим предварительную работу для создания возможности более широких исследований, исследуя одну из философских сторон вопроса.

Кроме того, можно углубляться в изучение вкуса (то есть некоторой основы предпочтения вариантов среди альтернатив), в контексте восприятия образов, значимых для смысла жизни (в данной статье мы еще вернемся к теме образов в части 3). В психологической литературе известен вопрос о происхождении чувственных преференций. Есть целый ряд моделей, призванных объяснить и предсказывать, будет ли нравиться человеку тот или иной стимул (звук, цвет и т.п.), есть множество факторов восприятия того или иного стимула – повторение, степень знакомства со стимулом, черты характера, политические взгляды и т.п. [9, 10] Нечто подобное можно применить, как нам кажется, и к восприятию образов стилей жизни с точки зрения наличия в них смысла, но на данный момент надежный инструмент анализа нами найден не был, поэтому переход на междисциплинарное исследование кажется преждевременным.

Если психология, социология и другие относящиеся к исследуемому вопросу науки предполагают четкое следование сравнительно узким методологическим моделям, то философский анализ дает нам возможность говорить о паттернах индивидуальной значимости ценностей в более свобод-

ной эвристической форме, которая может показать особые стороны проблемы на концептуальном уровне.

3. Философское решение проблемы объяснения индивидуальных различий видения смысла жизни

Итак, попробуем подступить к решению проблемы через философскую рефлексию идеи жизни, которую стоило бы прожить. Откуда вообще появляются образы таких жизней? С одной стороны, можно сослаться на социализацию, но здесь важно обращать внимание на детали, потому что разные люди принимают разные образцы, среди которых наиболее легко и одновременно более эмоционально подкрепленным путем передаются именно образы, а не «рациональные обоснования». Эти образы могут быть как процессуальными (день из жизни, минута такой жизни в рекламе, пара часов на работе родителей и т.п.), так и ориентированными на ситуации «результат» (история о/после/ недалеко от смерти – от житий святых и кратких биографий пионеров-героев до образа состарившегося бизнесмена, ученого и т.п.). Цельность и последовательность образов и связанных с ними ассоциаций разнится (и зависит от знаний субъекта), для некоторых образов есть несколько слов-ярлыков (например, домохозяйка), для других – целая поэтика (богема, интеллигент).

Подчеркнем, что субъект находится в эпистемологически туманной ситуации. Надо учитывать, что знание о своих собственных образцах жизни и предпочтениях часто неясное. Также важно понимать неоднородность и непрозрачность знания в обществе о том, какой вообще может быть жизнь человека – наш фокус формируется из узкого представления о наборах альтернатив, в условиях знаний «понаслышике». Большая часть людей делает

профессиональный выбор, не зная, каково быть тем, кем они решили стать – физиком, математиком, экономистом и т.п. Наёмный работник может не понимать, как выглядит жизнь бизнесмена, бизнесмен одного уровня может плохо представлять жизнь бизнесменов другого уровня, табуированные жизненные пути могут быть еще более размытыми в представлениях непосвященных (например, каково быть преступником).

Итак, как объяснить, почему люди видят разные вещи как наполненные смыслом? Предлагаем сфокусироваться на идее недостаточности. В пределе эта недостаточность подобна описываемым К. С. Льюисом неудовлетворенности человека всем, что есть в этом мире, и поиском особой радости вне мира [11, р. 6]. При кажущейся полноте мира человеку «чего-то не хватает» (допустим, восприятие недостатка при наличии материальных средств / знаний / вклада в культуру / ...): но вместо выхода в трансценденцию, человек выходит просто за пределы привычного мира, и уже такой выход предполагает заполнение «нехватки».

На наш взгляд, одним из ключевых элементов образов и историй, связанных со смыслом жизни, является момент, когда что-то «вносит краску в жизнь», добавляет то, чего не хватало – будь то принятие новой религии, повышение дохода, переезд или изменение внешности. Именно там проявляются ценности, которые притягивают внимание и имеют особый вес.

Важно осознавать, что вся, возможно, искаженная и преувеличенная важность подобных аспектов не является ложной, даже если в фундаменте лежат «более весомые» ценности, без которых гораздо сложнее жить, т.е. необходимое, но принимаемое за должное – наличие социальных связей, значимость для других людей, базовые блага и т.п. Иначе простая социальная функциональность в состоянии скучи-

ки была бы образцом смысла жизни: там есть социальная значимость, важность, вписанность в общество, однако остается идея недостатка. Итак, жизнь, наиболее интенсивно наделенная смыслом жизни – та, что смогла заполнить остаток, не закрытый данной системой ценностей (*что делает идеал такой жизни воображаемым*).

Остаток, как показывает Т. М. Шатунова, часто содержит в себе особый смысл: как остаток, выходящий за бинарные (и иные) деления, как источник развития, как нечто безосновное (экзистенциальные, моральные акты), как некоторый неожиданный результат [12]. Здесь нас интересует недостаток как нечто, что выходит за рамки системы ценностей и связанных с ней ожиданий, так как не может быть понято/дано/почувствовано и т.п. Нечто, к чему можно стремиться и на что можно ссылаться, хотя не всегда сознательно – Бог, ценности, идеалы, миссии.

Рассмотрим, как может происходить механизм заполнения пустот. Воображаемое заполнение пустот есть источник смысла, который, как правило, находится в рыночном контексте. Например, избитый феномен *lifestyle* брендинга и нарративной рекламы показывает, что зачастую важен сам факт заполнения недостатка в жизни, а не продажи продукта, что как бы с этим заполнением жизнь станет интереснее, «социальнее» и т.п. Здесь социальное выходит за пределы продукта как такового: к тому, что можно купить в рамках продажи самого продукта, добавляется то, что в нем самом получить нельзя. В данном случае я хотел бы провести «снижающую» параллель и поставить рекламу в один ряд с практиками, представляющимися как более аутентичные или глубинные. Реклама здесь будет первой в ряду примеров в силу очевидности действия механизма заполнения остатка. Многие крупные компании использовали образы заполнения потребностей, не связанные

ных с самим продуктом – Pepsi представляет жизнь в дружном сообществе (а не напиток), истории Nike предполагают возможность «найти величие», LinkedIn создает образ успешной счастливой жизни. Заранее скажу, что ироничные и критические варианты такой рекламы не отменяют игры воображения и желания. Здесь мы уже видим на примитивном уровне выход из одной плоскости ценностей, гедонистической (в которой находится, например, удовольствие от напитка), в другую, а именно в плоскость социальных потребностей.

Следующей ступенью, если идти по степени «очевидности» посыла, могли бы быть образы рабочей и активистской жизни в советском искусстве, как в кино, так и в мультфильмах. Современные государства тоже используют подобные приемы, когда, например, рекламируют военную службу. Так, например, в российских роликах можно увидеть сравнение более «бледной» обыденной жизни и яркой военной, как бы заполняющей разные пустоты – недостатка ощущения силы, маскулинности, значимости работы, и т.п. [13] Подобное можно найти и в социальной рекламе.

Особо социально выделяющиеся жизни героев (имеющих значение в науке, военном деле и т.п.) в этом культурном контексте также важны, но выполняют несколько иную функцию, так как не предлагают повторения в актуальных условиях жизни, а скорее показывают пример еще более полного заполнения бедной реальности чем-то важным, драматичным. Кроме рекламы и идеологии мы можем привести пример религии, где часто складывается нарратив обещания трансценденции, полноты бытия, как это было у уже упомянутого К.С. Льюиса. В случае признания возможности будущей трансценденции в религии мы имеем особую ситуацию незнания своих потребностей в контексте земной жизни. Например, в христианстве очень сим-

воличны известные строки «не понимаю, что делаю» (Рим., 7:15), «теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицем к лицу; теперь я знаю отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор., 13:12).

Вероятно, подтверждение нашей гипотезы требует и более «тонких» примеров, но тема смысла жизни близко связана с «яркими» и вычурными дискурсами. Обещание смысла жизни, как правило, близко только религии. Тем не менее, подобное можно найти и в ожидании новой должности, романтической реализации, переезда в другую страну и т.п.

Интересно, что в большом числе случаев нет указания конкретной потребности, наоборот, к изначальной потребности добавляется какая-то новая и более размытая потребность в более полной жизни, которая может быть добавлена и к желанию сладких напитков, и к стремлению найти работу, чувствовать себя мужчиной, и к более абстрактным нуждам. На мой взгляд, размытость этой потребности в полноте бытия имеет структурные причины: конкретность (например, план освоить профессию с реалистичными ожиданиями может быть окрашен оптимистично, но не будет обещать полноты бытия) означает встроенность в рутину, конечность, ограниченность, тогда как полнота бытия за них выходит. Конкретность ограничивает игру воображения и желания.

Возможна ли жизнь, уже актуально заполненная смыслом, в которой смысла уже хватает? Было бы слишком ограничено отрицать такую возможность, но анализ такой жизни выходит за рамки рассматриваемых в нашей статье вопросов.

Заключение

Итак, одно из возможных философских объяснений отличий индивидуального восприятия смысла – феномен придания особой роли тому, что представляется заполняющим недостаток.

Суть структуры такова: есть заполняемая размытая потребность и образ, где она уже заполнена. Образы, содержащие в себе обещания заполнения пробела, обладают наиболее высоким потенциалом насыщения жизни смыслом. При этом если потребность и об-

раз ее заполнения очень четкие, то они попадают в ряд цель-средство и лишаются магического обещания полноты жизни, то есть нормализуются в рамках принятой системы ценностей, потенциал насыщения жизни смыслом становится ниже.

Список литературы / References

1. Metz T. The Meaning of Life // The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2022 Edition) / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/life-meaning/>.
2. Klemke E.D., Cahn S.M. The Meaning of Life. A Reader. Oxford University Press, 2018. 260 p.
3. Metz T. Meaning in Life: An Analytic Study. Oxford University Press, 2013. 282 p.
4. Repp C. Life Meaning and Sign Meaning. *Philosophical Papers*. 2018; (47 (3)):403–427.
5. Strawson G. Narrativity and Meaning in Life // The Oxford Handbook of Meaning in Life / ed. by I. Landau. New York: Oxford University Press, 2022:74–92.
6. Metz T. God, Soul and the Meaning of Life. Cambridge University Press, 2019. 62 p.
7. Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т.1. М.: Мысль, 1988. 899 с.
8. Solovyov V.S. Collected works in 2 volumes. V. 1. M.: Mysl', 1988. 899 p. (In Russ.)
9. Vecchione M. The five factors of personality and personal values: An update with the refined theory. *Personality and Individual Differences*. 2023; (203). URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.112033>.
10. Montoya R.M., Horton R.S. et al. A re-examination of the mere exposure effect: The influence of repeated exposure on recognition, familiarity, and liking. *Psychological Bulletin*. 2017; (143(5)): 459–498.
11. Rentfrow P.J., Gosling S.D. The do re mi's of everyday life: The structure and personality correlates of music preferences. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003; (84(6)):1236–1256
12. Lewis C.S. The Weight of Glory and Other Addresses. New York: Macmillan, 1949. 66 p.
13. Шатунова Т.М. Метафизика остатка как версия диалектики. *Личность. Культура. Общество*. 2022; (24 (3-4 (115-116))):176–187.
14. Shatunova T.M. Metaphysics of the remainder as a version of dialectics. *Personality. Culture. Society*. 2022; (24 (3-4 (115-116))):176–187.
15. Минобороны России выпустило рекламный ролик о службе по контракту. *РИА Новости*. 19.04.23 URL: <https://ria.ru/20230419/rolik-1866466571.html>.
16. The Russian Ministry of Defense has released a promotional video about contract service. *РИА Novosti*. URL: <https://ria.ru/20230419/rolik-1866466571.html> (In Russ.)

Информация об авторе

Агапов Игорь Олегович, аспирант, ассистент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии. ORCID ID0009-0000-1298-5386, e-mail: newpost125@yandex.ru

Information about author

Agapov Igor Olegovich, post-graduate student, assistant, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy. ORCID ID0009-0000-1298-5386, e-mail: newpost125@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.07.2025; принятая к публикации 12.09.2025.
Received 07.07.2025; accepted 12.09.2025.